

Коммуникативные векторы образа русской революции 1917 г. в современном документальном кино Швейцарии: этика эпохи перемен

Ethics of the Era of Change: the Image of the 1917th Revolution in Russia in Contemporary Swiss Documentary

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-3-73-84

Получено: 05 февраля 2025 г. / Одобрено: 25 февраля 2025 г. / Опубликовано: 26 июня 2025 г.

М.П. Киреева

Преподаватель кафедры международной журналистики
МГИМО МИД России,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

М.В. Силантьева

Д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой философии им. А.Ф. Шишкина
МГИМО МИД России,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

M.P. Kireeva

Lecturer of the International Journalism Department,
MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

M.V. Silantyeva

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the
A.F. Shishkin Department of Philosophy,
MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Аннотация

Актуальность изучения темы отражения революционных изменений ценностных основ культуры напрямую связана с анализом спектра возможностей межкультурного взаимодействия на фоне историко-культурных взаимовлияний, которые акцентирует современное искусство. В статье с помощью компаративной методологии, биографического метода, категориального анализа и приёмов имагологии проанализированы наиболее драматические трансформации этических оценок, которые имели место в период «смены эпох» 1917 г. в призме документального кино Швейцарии. Выделены четыре киноленты, повествующие о русской революции через рассказы о судьбах конкретных людей, — швейцарцев, так или иначе связанных с революционными событиями этого периода. На этих примерах прослежена связь морали, идеологии, религии и права, которая ставит философский вопрос о роли насилия в культуре. Привлекая к обсуждению философские идеи Н.А. Бердяева о религиозной роли идеологии марксизма и Ф.М. Достоевского о нравственной неотвратимости наказания за совершившееся преступление, проводится мысль о наличии позитивного вектора поиска взаимного понимания в условиях, когда насилие становится элементом повседневности. Подчёркивается, что в условиях текущей геополитической напряжённости и обострения межгосударственных конфликтов гуманитарное сотрудничество между странами обретает чрезвычайно важное значение, а художественное осмысление ошибок прошлого способно помочь в поиске адекватных способов реагирования на вызовы современности.

Ключевые слова: образы России, коммуникативный потенциал, революция 1917 г., швейцарское кино, Н.А. Бердяев, марксизм как псевдорелигия, насилие, сотрудничество, взаимопонимание.

Abstract

The relevance of studying the theme of reflection of revolutionary changes in the value foundations of culture is directly related to the analysis of the spectrum of possibilities of intercultural interaction against the background of historical and cultural mutual influences which are emphasized by contemporary art. The most dramatic transformations of ethical assessments that took place during the "change of eras" of 1917 are analyzed in this article in the prism of Swiss documentary cinema. Comparative methodology, biographical method, categorical analysis and imagology techniques are used for that purpose. Four films are highlighted. They tell about the Russian revolution through stories of specific Swiss people connected with the events of this period one way or another. These examples trace the connection between morality, ideology, religion and law, which raises the philosophical question of the role of violence in culture. The author brings into discussion the philosophical views of N. A. Berdyaev on the religious role of Marxist ideology and F. M. Dostoevsky on the moral inevitability of punishment for a crime committed. The idea of the existence of a positive vector of searching for mutual understanding in conditions where violence is becoming an element of everyday life is put forward this way. It is emphasized that humanitarian cooperation between countries is acquiring an extremely important significance in the conditions of current geopolitical tension and the aggravation of interstate conflicts. Moreover artistic comprehension of the mistakes of the past can help in the search for adequate ways to respond to the challenges of modern times.

Keywords: images of Russia, communicative potential, revolution of 1917, Swiss documentary, N.A. Berdyaev, Marxism as a pseudoreligion, violence, cooperation, mutual understanding.

Введение

Актуальность изучения проблем, связанных с отражением изменений ценностных основ культуры в эпоху «бурь и потрясений», — причём отражением в оптике современного искусства, — напрямую связана с анализом исторических типов коммуникативной культуры и поиском конструктивных векторов межкультурного взаимодействия. Цель данного исследования состоит в выделении, описании и фило-

софско-культурологической интерпретации коммуникативного потенциала «революционных ценностей», представленных в документальном кино Швейцарии сквозь призму образа русской революции 1917 г. Задачи исследования предполагают: 1) установление и описание эпизодов кросс-культурного взаимодействия, выделенных современными швейцарскими документалистами в указанном контексте; 2) реконструкцию коммуникативных стереотипов, отражающих

специфику этических оценок выделенных образов; 3) уточнение философского фундамента, позволяющего структурировать ценностные основания «этики эпохи перемен» первой трети XX в.

Обзор литературы

Прежде всего, исследование опирается на научный подход к феномену документального кино как результата «критического осмыслиения действительности» [17, с. 26–36]. Обращение к исследованию этого киножанра позволяет выделить ряд проблемных точек, требующих особого внимания и аккуратности. Это и вопрос о методе изучения документального кино [20, с. 102–105], и тема поиска критерия «качественной документалистики» [26, с. 124–131], и проблема определения места и роли документального кино в системе массовой коммуникации [22, с. 66–72] и т.д.

В то же время требуют обсуждения идеи русских религиозных философов, касающиеся различных аспектов ницшеанской «переоценки ценностей», раскрывающие, в том числе, и «революционное обновление» христианства. Помимо общего развития идей богоискательства, отдельного внимания заслуживает тезис о пара- (или псевдо-) религиозном характере марксизма, который развивали такие представители русской философии, как Д.С. Мережковский и А.Н. Бердяев. Не меньший интерес представляют современные исследования их подхода к данной теме и её современных проекций [18, с. 273–285; 11, с. 96–111; 7, с. 172–189; 12, с. 72–84; 2, с. 3–13] и т.д.

Методы и материалы

Кино как наиболее массовый, зрелищный и эмоциональный вид искусства способствует углублению межкультурной коммуникации, повышению информированности населения одной страны о другой; позволяет проследить основные тенденции имагологического плана [3, с. 86–101]. В качестве материалов исследования рассматриваются документальные фильмы швейцарского производства, репрезентирующие последствия применения в Российской действительности положений марксистко-ленинской этики: «1918. Бегство из России» (1918: *Fuga dalla Russia*, 2018, реж. Рубен Росселло, Швейцария); «Генеральная стачка 1918 года — Швейцария на грани гражданской войны» (*Generalstreik 1918 — Die Schweiz am Rande eines Bürgerkrieges*, 2018, реж. Даниэль фон Аарбург, Швейцария); «Дело Конради» (*Die Affäre Conradi*, 2017, реж. Хелен Штели Пфистер, Швейцария); «Эпоха революций и судьба Фрица Платтена» (*Der rote Fritz*, 2014, реж. Хелен Штели Пфистер, Швейцария). Содержательно эти фильмы отражают процесс прев-

ращения тотального насилия из вырвавшейся наружу варварской энергии народных низов, ослеплённых классовой ненавистью, в основной метод государственной политики.

Вместе с тем к кругу источников следует отнести и работы ряда русских философов, посвящённые ценностной проблематике. В их числе, прежде всего, — искающий «относительную правду социализма» и утверждавший необходимость обновления ключевых ценностей современной ему культуры Н.А. Бердяев; а также закрепивший «мировую отзывчивость русской души» и неизбежность нравственного наказания за совершённое преступление Ф.М. Достоевский. По нашему мнению, их подход позволяет прояснить ключевые особенности русской культуры, оказавшиеся востребованными при создании её образа в исследуемых нами документальных фильмах.

Работа опирается на аксиологический и компаративный подходы, также использованы категориальный анализ и подходы имагологии. Фильмы, оказавшиеся в фокусе внимания, проанализированы с помощью методов кейс-стади, дискурс-анализа и нарративного анализа, что позволяет проследить конкретные методы работы швейцарских режиссёров с историческим материалом о России; уточнить возможности документального кино представлять эпоху сквозь призму судеб реальных людей, свидетелей и участников событий; рассмотреть ракурсы изображения этических дилемм, представленных в столкновении «традиционных общечеловеческих» и «новых революционных» ценностей; выделить модусы актуализации этических противоречий в российском и европейском обществе в первой трети XX в.

Результаты и дискуссия

Научный результат исследования состоит в определении специфики работы швейцарских режиссёров-документалистов с историческим, биографическим и идеологическим материалом эпохи Русской революции 1917 г. в призме «образа России» и его коммуникативного потенциала. Рассмотренные фильмы представляет собой попытку художественного осмыслиения прошлого как одного из источников культурных, социальных и политических проблем современности. В результате исследования установлено, что швейцарские режиссёры в своих документальных кинолентах обращаются к художественному переосмыслинию исторического прошлого, акцентируя внимание на точках пересечения истории России и Швейцарии. Фильмы актуализируют ревизию трагического исторического опыта оправдания великих жертв, приносимых ради всеобщего светлого будущего, а также опыта признания насилия неизбежным и необходимым инструментом достижения постав-

ленных целей. Режиссёры в своих кинолентах демонстрируют нарратив, повествующий о том, что разжечь насилие легко, но крайне сложно остановить раскрученный маховик; что личность, преступившая «нравственный закон», но избежавшая юридического наказания, неизбежно приходит к саморазрушению и гибели.

При этом швейцарские киноленты наглядно демонстрируют, что марксизм в России накануне революции 1917 г. воспринимался не только как экономическая теория, но прежде всего как этическое учение, которое отрицало «устаревшие» общечеловеческие ценности. Переходя к последовательному анализу авторского взгляда документалистов на историю, обратимся к нескольким ключевым вопросам, прояснение которых поможет реконструировать позицию документалистов по вопросу этического измерения тех коммуникативных векторов, которые были простроены в связи с репрезентацией образа России в исследуемых кинолентах.

1. Почему события российской истории интересны жителям Швейцарии?

9 апреля 2017 г. на вокзале Цюриха около двух сотен пассажиров ожидали посадки на поезд в направлении Шаффхаузена. У вагона пламенную речь о необходимости возвращения в Россию на немецком языке произнёс изрядно располневший Владимир Ленин, со всех сторон — вспышки фотокамер. Нарочитая серьёзность выступления прерывалась предательскими смешками из толпы. Продолжение было уже в поезде, который с девятого пути отправился в том же направлении, что и ровно 100 лет назад, в апреле 1917 г. Так спустя век в Цюрихе воспроизвели события, которые, по мнению режиссёра Марии Тхоржевской, помогли экспортировать из Швейцарии в Россию революцию в лице В. И. Ленина и его соратников. И пусть временами действие больше напоминало костюмированный фарс с гипертрофированной мимикой актеров, а не историческую драму, всё же любопытно, что революционным событиям в России спустя сто лет столько внимания уделили именно в Швейцарии.

Спектакль «Цюрих — Петроград, билет в один конец», сцена из которого описана выше, поставлен театральной труппой из Базеля: актёры воссоздали образы Владимира Ленина, Надежды Крупской, Инессы Арманд, Сарры Равич, Карла Радека, Григория Зиновьева. А сценическую площадку, что само по себе уникально, предоставили Швейцарские федеральные железные дороги (задействован был, правда, не тот самый поезд, на котором революционеры когда-то уехали в Россию, а паровой локомотив 1904 г.). Был создан даже специальный сайт, на котором собирали информацию обо всех мероприятиях

в Швейцарской Конфедерации, посвящённых Русской революции: круглый стол, спектакли, выставки и премьеры документальных фильмов, большинство из которых было создано при финансовой и организационной поддержке Общественного телевидения Конфедерации, которое финансируется за счёт специального налога, медиасбора с населения, поэтому игнорировать реальные интересы зрителей оно просто не может.

Почему же швейцарцев так интересует тема двух русских революций? Есть три основные причины. **Первая** — эти события потрясли не только нашу страну, но и всю Европу и впоследствии изменили расстановку сил в мире. **Вторая** — истории наших стран пересекались в разных точках, и эти моменты серьёзно влияли на дальнейшее развитие Швейцарии, России и взаимоотношений между ними. Исторические связи между Россией и Швейцарией имеют глубокие корни, например, в Конфедерации по сей день помнят и считают освободителем русского полководца Александра Васильевича Суворова, армия которого осенью 1799 г. совершила сложнейший переход из Италии через Альпы, чтобы вытеснить Наполеоновскую армию из центральной Швейцарии. Хорошо знают швейцарцы и Российского императора Александра I, который на Венском Конгрессе 1814–1815 гг. настойчиво выступал за независимость Конфедерации. Как заявил в 2016 г. Чрезвычайный и полномочный Посол Швейцарии в Российской Федерации Пьер Хельг: «Без России и царя Александра I у нас не было бы нынешнего статуса постоянного нейтралитета» [27]. **Третья причина** — в поисках ответа на вопрос, почему швейцарскому обществу, «экспортировавшему» революционные идеи в Россию, удалось избежать революционного переворота в своей стране. Не стала ли Россия своеобразным громоотводом?

2. Революционная этика. Марксизм-ленинизм в роли псевдорелигии

Как известно, осуществляя революционные преобразования в российском обществе, большевики опирались на идеи марксизма и его материалистическое понимание истории. К этому времени тезис К. Маркса, решительно отвергавшего моральные абсолюты (не может быть никакой общечеловеческой морали, она меняется вместе с обществом, потому что является идеологической надстройкой над экономическим базисом) захватил умы многих «прогрессивно мыслящих» людей.

Абстракции универсальной морали основоположники марксизма противопоставляли практический гуманизм, под которым понимали перспективу строительства общества социальной справедливости, коммунизма. В этом случае мораль сводилась к классовой борьбе пролетариата за социальные преобразо-

вания. Такое понимание нравственности нашло отражение и в работах В.И. Ленина. Этика в её традиционном значении признавалась несостоятельной и ненужной, поскольку революционное действие делает мораль излишней. Наиболее отчётливо свою позицию по вопросу этики нового общества Владимир Ленин сформулировал в своей речи на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодёжи 2 октября 1920 г., когда заявил, что мораль и нравственность определяют только интересы классовой борьбы пролетариата, а не религиозные или иные представления [15].

Нельзя не заметить, что исторический характер моральных норм и в настоящее время признает большинство учёных; этот «позитивистский» импульс Маркса отвечает и аналитической традиции. Вместе с тем, опыт пережитых революций на деле показал, что моральные абсолюты не только не исчезают из исторически-конкретных представлений о добре и зле, но и сознательно конструируются и переконструируются в том случае, когда новые элиты не устраивает «старая мораль». Именно так произошло в России после Октября: в ходе революционной борьбы со «старым обществом» идеологи коммунизма быстро осознали, что без опоры на нравственные идеалы общество разваливается и скатывается к хаосу, и потому начали конструировать новую, революционную мораль (и новое революционное право).

Очевидно, что, возведённая в статус универсальной, эта новая мораль революционной борьбы подвергла сакрализации собственные нормы, постепенно превратившись в подобие религиозного культа. Место Бога-Истины здесь занял образ светлого будущего, коммунизма, строительство которого и стало высшей целью служения любого члена общества. В этой связи интересно обратиться к идеям русских богоискусителей, особенно к точке зрения Николая Бердяева, в юности пережившего увлечение «легальным марксизмом» [16, с. 91–109] и одним из первых заговорившего о религиозной сути марксизма [5, с. 8; 8, с. 84–88] и социализма [6, с. 508–545]. Полагая, что «душой марксизма» является тезис «человек может быть освобождён от рабства», Бердяев подчеркивает принципиальную ошибочность мысли о том, что «скачок в царство свободы» может совершить «социальный» (то есть эмпирический) человек [4]: свободный дух означает для философа не только «свободу от», но и «свободу для». Насилие не может быть оправдано даже ради Рая, не только ради материалистического рая на земле.

Так почему же марксизм, согласно Бердяеву, — религия? С помощью последовательно проводимой логики философ приходит к мысли, что исторически религиозная идеология нередко становилась формой

«господства и эксплуатации» (см. подзаголовок к его небольшому сочинению «Марксизм и религия», изданному в 1929 г.). Затрагивая самое сердце «духовного человека», такая форма эксплуатации представляется очень действенной. В том числе и потому, что, апеллируя к чувствам — уважения к священному, чувству солидарности и т.д., — религия внедряется в наиболее глубокие слои, регулирующие этически значимые ценности и дающие ориентацию в различии добра и зла. Тем самым подчёркивалась экзистенциальная и коммуникативная сущность религиозной ориентации, сложным образом взаимодействующей с этическими, эстетическими и т.д. ценностями [14, с. 16–27]. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (задуман философский труд был в 1933 г., а первое издание вышло в свет в 1938 г.) Николай Бердяев пишет: «Человек есть религиозное животное, и, когда он отрицает истинного единого Бога, он создаёт себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им... Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основана его сила...» [4, с. 83]. Николай Бердяев полагал, что учение о прибавочной стоимости, по сути своей, вовсе не экономическое (на чём настаивал сам Маркс), а этическое, поскольку центральное место в нём занимает борьба добра (пролетариата) и зла (буржуазии), а также угнетение рабочего класса, т.е. безнравственное отношение одного человека к другому. В интерпретации марксизма Бердяевым *эксплуатация* одного человека другим замещает в марксистской теории понятие *первопородного греха*. Соответственно, его искоренение и должно ознаменовать собой «переход к царству свободы» [4, с. 83]. А в роли мессии, способного освободить человечество от несправедливости, выступает пролетариат.

Эту точку зрения разделяет и профессор МГИМО Юрий Павлович Вяземский, приводя в своей книге «Вооружение Одиссея» рассказ о личной беседе с космонавтом Германом Титовым, дублёром Юрия Гагарина, который поведал ему весьма любопытные факты: «...ночью, в апреле 1961 года на Красную площадь приехал и вошёл в мавзолей, и попросил благословения у мумии, а потом отправился на космодром и впервые в истории человечества взлетел в космос и в вечность человеческой памяти Юрий Гагарин... Метафора?! И мавзолей словно ступенчатый, как древняя пирамида Джосера, египетского фараона 3-й династии. И перед каждым крупным начинанием именно к мумии за советом приходили в Древнем Египте...» [10, с. 8]. По мнению Ю.П. Вяземского, марксизм-ленинизм в советском обществе стал псевдорелигией. Будучи сконструи-

рованным по лекалам религии, марксизм-ленинизм был призван выполнять её функции, пытаясь вытеснить и Христа, и Аллаха, и Будду. Подобно тому, как Моисей вёл свой народ к земле обетованной, идеологи советского строя вели свой народ к новой сакральной цели — коммунизму, только иудеи двигались в пространстве, а люди советские — во времени.

Намерение искоренить социальное зло в виде неравенства и угнетения одного класса другим выглядит этически вполне приемлемым, вот только достижение этой цели, согласно революционной этике, оправдывает любые средства, в том числе и насилие, без которого кардинальные изменения в обществе попросту невозможны. А когда высшей ценностью провозглашается некий образ будущего, человеческие жертвы становятся бесчисленными. Принципы и последствия применения на практике революционной этики, интерпретированной таким образом, швейцарские режиссёры-документалисты, освещают через судьбы конкретных людей, участников событий. Используя биографический метод, они погружают зрителя в исторический контекст, который заставляет задуматься о вполне современных проблемах, ведь без насилия не удалось обойтись ещё ни одному обществу. Стоит отметить, что при этом швейцарских режиссёров и зрителей крайне редко интересуют события чисто российские, ни коим образом не связанные с их страной: история России в швейцарском документальном кино чаще отражена в связке с историей Конфедерации.

3. Революция убивает своих самых искренних последователей

В 2014 г. состоялась премьера документального фильма Хелен Штели Пфистер о личности в революционные времена, о том, как легко самому стать жертвой насилия, разжиганию которого способствуешь. Герой картины, искренне преданный идеалам мировой коммунистической революции, в итоге погибает в ГУЛАГе.

Фильм-портрет, посвящённый швейцарскому коммунисту Фрицу Платтену [36], начинается как расследование: журналист из Швейцарии едет в русскую глубинку, на станцию Няндома Архангельской области, чтобы найти место, где провёл последние годы жизни и погиб «радикальный социалист». От сталинского лагеря почти ничего не осталось: только унылое поле и остатки деревянных строений. Где именно оборвалась жизнь Фридриха и где он захоронен, определить так и не удалось.

Далее повествование ведется в хронологическом порядке: через биографические сведения и письма главного героя создаётся образ преданного революционера. Фридрих Платтен родился в семье рабочих и знал, насколько тяжело живётся пролетариату, так

что марксистские идеи социальных преобразований он воспринял очень живо, легко сблизился с русскими революционерами. Дружба началась в швейцарском Циммервальде, где в 1915 г. состоялась конференция социалистов, ради конспирации называвших себя орнитологами. Дружба с Владимиром Лениным началась там же. Именно Платтену (совместно с Робертом Гриммом) Ленин доверил после февральской революции 1917 г. организовать свой переезд в Петроград (маршрут следования: Цюрих — Франкфурт — Берлин — Стокгольм — Петроград). Так называемый «пломбированный вагон» с правовой точки зрения обладал экстерриториальным статусом: никто не покидал поезд во время поездки, никто не досматривал пассажиров. Предстояло проехать по территории Германии, с которой Россия находилась в состоянии войны, и для Ленина было крайне важно вернуться на Родину, не запятнав себя связями с врагом. Переговоры с представителями властей, если возникала необходимость, вёл именно швейцарец Фридрих Платтен.

Фриц Платтен — романтик, дитя своего времени, мечтавший о социальной справедливости, равенстве и мировой революции. При этом основатель коммунистической партии Швейцарии признавал право революционеров на жёсткие меры, без которых коренные изменения невозможны. В картине звучит цитата из письма Платтена: «...несколько смертей не имеют значения, не играют никакой роли, если удастся построить в Швейцарии социализм» [36]. На подобных высказываниях режиссёр акцентирует внимание зрителя, ведь они не только характеризуют мировоззрение революционера, но и предопределяют его судьбу. Как говорит Хелен Штели Пфистер в интервью одному из авторов данной статьи: «Всю жизнь он боролся за светлое будущее, а в итоге стал жертвой системы, которую помог создать»¹. О том, что Платтен готов был идти на жертвы ради воплощения в жизнь коммунистических идей, ярче всего говорит тот факт, что в 1923 г. он вместе с очень пожилыми родителями (отцу было уже 77 лет) и ещё двадцатью швейцарскими добровольцами приехал в Советскую Россию, чтобы участвовать в строительстве нового общества. Съёмки фильма также проходили в деревне Новая Лава Ульяновской области, где швейцарские рабочие-эмигранты в 1923 г. основали коммуну «Солидарность», чтобы личным примером доказать эффективность коллективных методов хозяйствования. Швейцарцы закупили самое передовое по тем временам оборудование для обработки земли и заготовки кормов: у них была мельница, лесопилка, столярная мастерская, животноводческая ферма. Однако в первый же год урожай погубила засуха, спустя четыре года комму-

¹ Интервью из личного архива М.П. Киреевой.

нары переехали ближе к Москве, оставив всю технику местному губсельстресту, а сам Платтен перебрался в столицу, чтобы преподавать в Институте иностранных языков. А вот печь, которую смастерили почти сто лет назад швейцарцы в Новой Лаве, чтобы спасаться от русских морозов, уцелела и к моменту съёмок фильма была в рабочем состоянии.

Нынешние жители села Новая Лава по сей день ухаживают за могилами родителей Платтена (у самого Фридриха могилы нет) и искренне недоумевают, зачем тогда швейцарцы приехали в холодную и голодную Россию: «Видимо, люди были необыкновенные... думали не о себе, о будущем всего человечества» [36]. Как говорит в фильме сельская учительница Мария Качарина, которая 30 лет собирала материалы о Фридрихе, героям его в селе не считают, но уверены, что он был человеком «с сильнейшей волей и готовностью отдать свою жизнь за идеалы, в которые безоговорочно верил» [36].

Фриц Платтен не отрёкся от своих убеждений даже в 1930-е гг., оправдывая «большой террор» и считая его неотъемлемой частью борьбы за мировую революцию. В 1937 г. арестовали и расстреляли, обвинив в шпионаже, его жену Берту, а в 1938 г. отправили в лагерь и его самого. Формально — за незаконное хранение оружия (у него был маузер). В фильме цитируются письма Платтена из лагеря Липово в Архангельской области, где, вопреки здравому смыслу, он всё ещё надеялся на оправдание и освобождение: «...буду стараться хорошей работой сократить свой срок заключения...» [36], он просил тёплую одежду, был тяжело болен и истощён. В 1958 г. бывший лагерный конвоир прислал сыну Платтена покаянное письмо, в котором рассказал, как в 1942 г., следуя устному приказу своего начальника, вывел Фридриха за ограждение лагеря и пристрелил в кустах, потому что из-за болезни тот уже не мог работать. Платтен был посмертно реабилитирован, однако место его гибели и захоронения определить до сих пор не удалось. Так в очередной раз подтвердилась мысль о том, что революция пожирает своих детей, своих самых верных и искренних последователей. И это прекрасно вписывается в логику революционной этики, где человеческая жизнь обесценивается, а образ справедливого и светлого будущего выводится в эсхатологическую перспективу. Многие представители русской интеллигенции считали целью своей жизни жертвенное служение освобождению народа, этической базой для этого стало чувство вины интеллигентии перед народом, а вина требует искупления: «...идеи долга, вины, жертвенности интеллигентии, безусловно, способствовали осуществлению русских революций начала XX века» [28, с. 63]. И хотя швейцарец Фридрих Платтен по рождению

не принадлежал к русской интеллигентии, подобные идеи, как видим, он разделял в полной мере и совершиенно искренне. Тем самым подтверждая псевдорелигиозную суть конструкции марксистской идеологии рассматриваемого периода, основой которой выступала вера. Готовые принести в жертву себя, революционеры считают вполне оправданными принести в жертву других. Тогда применение насилия становится не исключительной мерой, а нормой. «И если в «февральский период» революции насилие было проявлением низовой стихии, то в октябрьский оно стало методом государственной политики и её доминирующей целью» [19, с. 67]. Подтверждением этой мысли может служить и документальная кинокартина Рубена Росселло «1918. Бегство из России» [33].

4. Насилие как стихия и метод государственной политики

Фильм «1918. Бегство из России» был создан при участии телеканала RSI, италоязычного подразделения швейцарской общественной телерадиовещательной компании, в год столетия описываемых в нём событий. В центре внимания режиссёра — истории реальных людей, на судьбах которых трагическим образом отразились события 1917–1919 гг., а также осмысление этими людьми революционных процессов. В XIX в. тысячи швейцарцев ехали в Российскую империю в поисках лучшей жизни: кто-то работал по найму, а кто-то начинал свой бизнес. На момент свершения Октябрьской революции в России проживало порядка десяти тысяч выходцев из Швейцарии, и большинство из них в одночасье лишилось всего, им приходилось бежать, если удавалось сохранить жизнь.

Режиссёр использует распространённый в документалистике приём расследования, только в данном случае не журналист, а современные потомки главного героя фильма, Микеле Раджи, отправляются на юг России с тем, чтобы увидеть, где и как жили их предки, основатели швейцарской аграрной колонии под Пятигорском. И они находят тот самый дом, в котором жила семья Раджи: как это ни удивительно, спустя столетие в нём уцелели даже итальянские стулья. Предыстория такова: в 1895 г. восемь швейцарских семей продали всё, что у них было на родине, приехали на российский Кавказ, взяли в аренду землю у подножия горы Верблюд близ Пятигорска и основали итalo-швейцарскую земледельческую колонию «Святой Николай». К ним присоединились двести крестьян из окрестных деревень, вместе разбили фруктовые сады и виноградники. Вино из-под Пятигорска в 1906 г. даже получило медаль на выставке в Милане, его производством как раз и занимался агроном Микеле Раджи, чей дневник, обнаруженный правнуком в семейных архивах, стал ос-

новой для сценария документальной киноленты. В фильме показана трансформация взглядов героя на события в России.

Сначала глава колонии «Святой Николай» критикует царский режим и горячо приветствует революцию, Раджи уверен, что изменения пойдут на благо обществу [33]. Позже нарастающий радикализм и насилие удивляют его своей бессмысленностью и приводят в замешательство. Когда же на юге России воцаряется хаос, появляется страх за жизнь семьи и наступает полное отрицание: революция уничтожила идеалы и ценности, которые изначально провозглашала, а принесла, по мнению Раджи, только разрушение. «Царят террор и грабежи, красногвардейцы и другие банды следуют друг за другом. Земля конфискована и разделена между крестьянами и рабочими. Теперь все чувствуют себя хозяевами, но мало кто работает. Производство рухнуло, всё приходит в негодность» [33], — звучит в фильме цитата из дневника Микеле Раджи. Он подчёркивает, что «белый террор» ничуть не лучше «красного», им одинаково присуща бессмысленная жестокость.

Дневниковые записи Раджи — это не только подробное фиксирование фактов и хронологии событий, но и их оценка, довольно эмоциональная и резкая. Высказывания полны негодования, отчаяния, досады и беспомощности перед несправедливостью, а к последним страницам нарастает ощущение безысходности. «Великие идеалы начала революции переданы фанатиками и максималистами. Экстремисты утвердились в итоге на людях, которые не так давно освобождены от крепостного права, и обесчестили социализм... Революция принесла мощное дыхание свободы, которое обещало светлое будущее, пока демагоги не ослепили массы классовой ненавистью» [33].

В ноябре 1918 г. отряд Красной армии опустошил и разграбил колонию «Святой Николай», что тоже подробно описано в дневнике Микеле: «Слепое и ужасное насилие. Наша соседка женщина задушена. Мы спасли женщин и детей, спрятав их в сарае. Только ради вандализма они убьют любого, кого захотят» [33]. Уместно вспомнить высказывания доктора исторических наук В.П. Булдакова о том, что «Февраль — это зародыш общего психоза», потому что он «...взбудоражил народные низы, дал выход варварской энергии массы», и в результате произошло «укоренение психологии кровавого жертвоприношения ради всеобщего светлого будущего» [9]. Революционную этику насилия народ принял с готовностью, а поскольку были низвергнуты религиозные ценности и «устаревшая нравственность», которая якобы служила интересам господствующего класса, никаких ограничений и вовсе не осталось: массы стали видеть свою задачу именно в разрушении.

Но вернемся к фильму Рубена Росселло. Путь семейства Раджи домой был долгим, больше трёх месяцев. Залы ожидания на вокзалах были похожи на лазареты, переполненные военнопленными, ранеными, больными тифом и трупами, за окнами поезда — караваны бегущих из страны людей. Подробные описания из дневника Раджи помогают режиссёру показать панораму юга России, разграбленного, опустошённого, измученного. Бегство, разочарование, утрата всего, что было обретено на второй родине, сильнейшее эмоциональное и физическое напряжение привели к тому, что Микеле Раджи умер от сердечного приступа через несколько дней после того, как доставил свою семью в относительно безопасное место, город Моркоте швейцарского кантона Тичино. «Эти швейцарцы и представить себе не могли, что плоды их труда будут уничтожены разрушительной манией теоретиков абстрактной идеологии, созревшей преимущественно в университетских библиотеках Женевы и Цюриха» [33], — написал историк Джорджо Кеда в своём предисловии к изданию дневника Раджи.

5. Правовой и этический нигилизм: почему швейцарский суд оправдал убийцу

Поскольку любая революция направлена на свержение существующего политического строя, она по природе своей нарушает конституцию, законные процедуры, устоявшийся порядок, и это, в свою очередь, открывает простор для беззакония, ведь новая правовая система появляется не одномоментно, на её разработку и утверждение требуется время. В период правового вакуума опорой может стать та самая «универсальная» мораль, которую закрепляет традиционная религия. Именно её этические принципы провозглашали универсальность и апофатику Добра, предлагая обществу трудный путь следования за ним не как универсальный рецепт спасения, но как задачу «со звёздочкой». Описание социальной, нравственной и правовой аномии в России в рассматриваемом далее фильме открывает удивительную вещь: подрыв правовых и этических основ в одной стране может спровоцировать проявление правового нигилизма в другой. Это кажется немыслимым, когда речь идёт о государстве, в котором соблюдение закона декларируется в качестве одной из главных ценностей, однако в Швейцарии был зафиксирован подобный прецедент.

Документальный фильм Хелен Штели Пфистер «Дело Конради» [35] рассказывает о том, как действия одного человека разрушили отношения между странами. Описанные события стали причиной разрыва дипломатических отношений между Россией и Швейцарией на 23 года: с 1923 по 1946 г., однако кинолента — не только историческое исследование,

но и попытка составить психологический портрет главного виновника трагедии.

Дед Мориса Конради, главного героя фильма, в 1853 г. в поисках лучшей жизни перебрался из Швейцарии в Российскую империю. Надежды оправдались: основанная им в Санкт-Петербурге шоколадная фабрика процветала. Морис с детства был окружён заботой и вниманием, его будущее казалось предопределённым: обеспеченным и безоблачным, однако началась Первая мировая война. Из политехнического института Морис ушёл на фронт, причём сделал это добровольно и совершенно осознанно. «Моя любовь ко второй Родине и симпатии к русскому народу обязывают меня воевать за них» [35], — приводятся в фильме слова Конради. Сражался он смело, был ранен, награждён орденом Святого Георгия IV степени.

Далее в картине изображены события 1918 г.: большевики национализировали фабрику семьи Конради, дядя был расстрелян, отец умер от пыток и голода в тюрьме. Морис после этого примкнул к Белому движению, а позже перебрался в Швейцарию. Однако на исторической родине он был не внуком преуспевающего предпринимателя, а иммигрантом, который перебивался случайными заработками. Прежняя жизнь рухнула, справиться с этим было сложно — Морис пристрастился к алкоголю и наркотикам. Знакомство с Аркадием Полуниным, который был связан со штабом Белого движения, подарило надежду на «справедливое возмездие» и разожгло в юноше жажду мести за страдания, причинённые большевиками всей его семье.

Тем временем в Лозанну, на международную конференцию, прибыла советская делегация во главе с соратником Ленина, высокопоставленным дипломатом Вацлавом Воровским, и 10 мая 1923 г. в ресторане отеля «Сесиль» Морис сделал несколько выстрелов, убил Воровского и ранил ещё двух дипломатов. Конради даже не пытался скрыться с места преступления. По свидетельствам очевидцев, он отдал пистолет метрдотелю, объявил себя новым Вильгельмом Теллем, назвал убийство актом возмездия, говорил, что хочет освободить Европу и весь мир от коммунистической заразы. «Нет невиновных среди тех, кто поддерживает этот режим», — звучат в фильме слова Мориса Конради [35]. На самом деле разрыв отношений между странами произошёл не из-за действий этого человека, а из-за того, что за ними последовало. Главной причиной, акцентируется в фильме, стала реакция швейцарского правительства и общества: официальные извинения советской России принесены не были, убийство квалифицировали как частное дело, а не политическое. Более того, суд присяжных в итоге оправдал убийцу и его сообщника, отпустив Конради и Полунина на

свободу. Советской же стороной процесс был расценён как политический, направленный на дискредитацию государства, а оправдательный приговор — как всплющее оскорблечение. Последовал официальный разрыв дипломатических отношений, которые были восстановлены только после Второй мировой войны.

Режиссёру фильма удалось разыскать родственников Мориса Конради, непросто было уговорить их рассказывать о члене семьи, спровоцировавшем международный скандал, но благодаря предоставленной ими информации Хелен Штели Пфистер смогла проследить судьбу Конради вплоть до самой смерти. О нём писали в газетах, говорили на улицах, везде принимали как народного героя и борца с коммунизмом! Освобождение от уголовной ответственности и одобрение со стороны общества дало Морису чувство безнаказанности. Возникает ощущение, что швейцарское общество в тот момент забыло о правовых и этических нормах, ведь одобрение и даже поощрение убийства идет вразрез с общечеловеческими ценностями, не говоря уже о законе.

Но идея киноленты, думается, в другом. Морис после оправдания вёл разгульный образ жизни, не мог справиться с алкогольной зависимостью и найти постоянную работу, часто проявлял необоснованную агрессию. Как следствие, он всё же получил срок по уголовной статье за разбойное нападение, а после освобождения завербовался наёмником во Французский Иностранный легион, служил в Алжире и попал под трибунал за нарушение дисциплины. Его возмездие пришло к нему изнутри, рискнём сказать, «по Достоевскому»: в виде саморазрушения и деградации личности, он угас на 52-м году жизни в маленьком швейцарском городке Кур, а не погиб во время боевых действий в Алжире, как ошибочно свидетельствуют многие источники. «Дело Конради» воспринимается как фильм о неотвратимости возмездия: убийца, оставшись безнаказанным с юридической точки зрения, сам разрушил свою жизнь. А выстрелы, которые убили родственников Мориса в Санкт-Петербурге, запустили длинную цепочку бессмысленных актов мести. Кинокартина наглядно демонстрирует, как насилие порождает ещё большее насилие, и остановить раскрученный маховик крайне сложно.

Стоит отметить стремление режиссёра Хелен Штели Пфистер к объективной оценке ситуации с правовой точки зрения. Швейцарский юрист Аннетта Гарач нисколько не оправдывает действия судебной системы своей страны в прошлом, высказывается в фильме критично и жёстко. Она изучила архивные материалы дела об убийстве дипломата Воровского и пришла к выводу, что уголовный процесс вёлся с многочисленными нарушениями, максимально предвзято, а оправ-

дательный приговор убийце, безусловно, нарушил нормы швейцарского права.

По мнению современных правоведов, власти Швейцарии противоречили сами себе. С одной стороны, Федеральный совет отказался признать за делом статус политического по причине того, что дипломат Воровский не был официально аккредитован в качестве участника Лозаннской конференции. Но, с другой стороны, в ходе слушаний перед присяжными выступило порядка 70 свидетелей преступлений коммунистов. То есть фактически вместо разбирательства по конкретному делу шёл суд над большевизмом и «красным террором». Согласно вынесенному вердикту, Конради признали «действовавшим под давлением обстоятельств, проистекших из его прошлого» [35]. Это был чисто политический процесс, который не имел ничего общего с правосудием, потому что опирался не на законодательство, а на эмоции [35]. Таков вывод экспертов в фильме.

Насилие, оправданное страхом перед другим насилием: революционная Россия в роли общеевропейского пугала

Специальный телевизионный проект «Генеральная стачка 1918 г. — Швейцария на грани гражданской войны» [34] был реализован швейцарским национальным общественным немецкоязычным телеканалом SRF к столетию Всеобщей забастовки в Швейцарии 1918 г. И хотя он посвящён событиям истории Конфедерации, образ России играет в нём важную роль, поскольку на внутреннюю ситуацию в стране и решения официальных властей оказывал мощное влияние внешнеполитический контекст.

Отметим, что в фильме Ханса-Юрга Цумштайна и Даниэля фон Аарбурга много игровых сцен, реконструкция событий занимает порядка 70% всего хронометража (даже жанр определён как документально-игровой). Однако события в России режиссёр не реконструирует, они, для большей достоверности, предстают лишь в высказываниях историков и сопровождаются кадрами кинохроники.

Роберт Гrimm (один из инициаторов и организаторов всеобщего восстания рабочих в Конфедерации) и Владимир Ульянов (Ленин) познакомились ещё в 1913 г. в Берне, оба были приверженцами марксистской теории, горячо обсуждали необходимость социально-экономических перемен, однако расходились в главном вопросе: каким путём следует добиваться преобразований. Ленин считал, что смены социального строя можно добиться исключительно путём вооружённого восстания, Гrimm выступал за переговорный процесс и мирную революцию. В фильме швейцарский социал-демократ Гrimm с негодованием критикует действия большевиков в России, называя их власть «диктаторским режимом» и заявляя,

что на совести Ленина и его соратников — тысячи смертей [34]. К ноябрю 1918 г. власть большевиков в России продержалась уже год, и многое было известно о фактах «красного террора». Слова Гrimма и швейцарских историков подкреплены кинохроникой: жестокими натуралистичными сценами расстрелов. На архивных кадрах — крупным планом — и нечеловеческое равнодушие убийц в момент совершения выстрелов, и ужас в глазах жертв. Эти сцены — неопровергнутое доказательство жестокости большевиков. И кажется, что неоправданно много насилия выплескивается на зрителя, однако эти сцены именно в таком количестве и таком порядке важны для раскрытия замысла режиссёра, они помогают объяснить причину принятия непростых политических решений внутри Конфедерации.

И президент Феликс Калондер, и командующий швейцарской армией Ульрих Вилле, и полковник Эмиль Сондереггер говорят о том, что коммунистическую революцию нужно задушить в зародыше любой ценой, эта мысль повторяется рефреном на протяжении всего фильма. Насилие по отношению к протестующим в Швейцарии оправдано тем, что помогает избежать ещё большего насилия, такого, как в России [34]. Президент Конфедерации видит во всеобщей забастовке попытку свергнуть существующий строй и посеять в стране хаос. И решение властей об использовании армии против безоружных рабочих продиктовано страхом перед российским сценарием развития событий, тем более что в Германии к тому моменту уже свергли Кайзера Вильгельма II, и власти боялись цепной реакции, которая вовлечёт в революционный процесс всю Европу. При всей непримиримости двух лагерей (руководства стачки и официальных властей Конфедерации) в оценке действий большевиков они едины: российский вариант неприемлем для Швейцарии.

Авторы фильма предлагают своё объяснение, почему Конфедерации удалось его избежать: «...швейцарцы все вместе заглянули в пропасть гражданской войны и в ужасе отшатнулись от неё» [34]. К тому же у швейцарских рабочих, в отличие от немецких и российских, были дополнительные возможности отставания своих интересов. Восстание 1918 г. было жестоко подавлено, однако «левые» в результате значительно усилили своё присутствие в парламенте, благодаря чему в стране удалось добиться значительного сокращения рабочего времени, повышения заработной платы и введения государственной пенсии по старости и потере кормильца. Национальный советник Корrado Пардини в интервью по поводу своего участия в телевизионном проекте говорит, что информация о всеобщей забастовке 1918 г. в Швейцарии десятилетиями замалчивалась, а в учебниках истории

гораздо больше написано о полулегендарном герое XIV в. Вильгельме Телле, нежели о событиях начала XX в., которые действительно изменили страну и привели её в итоге к стабильности и процветанию [1].

Заключение

Швейцарские режиссёры в своих фильмах показывают, как утверждалась новая «этика Октября», как влияла на судьбы людей, как они её воспринимали и осмысливали.

Фильм о швейцарском коммунисте Фридрихе Платтене раскрывает образ революционера, готового ради служения великой цели принести в жертву себя и своих близких, вот только жертвуя собой, такие сподвижники считают вполне оправданными и жертвы других, и применение насилия становится не исключительной мерой, а нормой.

Агроном Микеле Раджи, переселенец из Швейцарии в Россию, наблюдая чудовищные изменения в российском обществе с 1917 по 1919 г. и пытаясь спасти свою семью от гибели, подробно описывает происходящее в дневнике, который и послужил основой для сценария фильма Рубена Росселло. Взгляды главного героя трансформируются от приветствия и одобрения «мощного дыхания свободы» Революции до абсолютного отрицания тотального насилия народных низов, «ослеплённых классовой ненавистью».

Углубляет тему фильм «Дело Конради» о неотвратимости возмездия, о моральной деградации личности, преступившей нравственный закон, и о том, как легко разжечь насилие, запустив бессмысленную

цепочку актов мести, и как сложно остановить потом раскрученный маховик: в результате рушатся судьбы целых поколений и отношения между странами.

Кинокартина о Всеобщей стачке рабочих в Швейцарии 1918 г. демонстрирует, как легко власть оправдывает проявление насилия необходимостью предотвратить ещё большее насилие, которое могло бы случиться в будущем.

Итак, коммуникативный потенциал «революционных ценностей», представленных в документальном кино Швейцарии сквозь призму образа русской революции 1917 г., описывает трансформацию ценностных основ в призме «управляемого хаоса», сравнительно быстро встроившего религиозный суррогат марксистской идеологии в механизм социального регулирования. Выделенные эпизоды кросскультурного взаимодействия показывают заинтересованность современного общества в обсуждении темы моральных абсолютов, их связи с реальными — моралью, религией и правом. В свою очередь, реконструкция коммуникативных стереотипов, отражающих специфику этических оценок выделенных образов и наполняет их содержание конкретными отсылками к событиям истории, в своё время повлиявшим в том числе на отношения двух стран. Уточнение философского фундамента, позволяющего структурировать ценностные основания «этики эпохи перемен» первой трети XX в., открывает новые горизонты дискуссии, в которой голос русской культуры слышен вполне отчётливо в общезначимом культурном контексте, который не обнуляет национальный, а, напротив, усиливает его значение.

Литература

1. Андина М. Генеральная стачка 1918 года и ее последствия для Швейцарии [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/44497312> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Багдасарян В.Э. Национальный политический ритуал в контексте истории российской повседневности [Текст] / В.Э. Багдасарян // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2008. — № 3. — С. 3–13.
3. Бахарева М.Д. Современная имагология: значение и перспективы развития [Текст] / М.Д. Бахарева // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 86–101. URL: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н.А. Бердяев. — Париж, UMCA-PRESS, 1955.
5. Бердяев Н.А. Марксизм и религия (Религия как орудие господства и эксплуатации) [Текст] / Н.А. Бердяев. — Париж: UMCA-PRESS, 1929. — 28 с.
6. Бердяев Н.А. Социализм как религия [Текст] / Н.А. Бердяев // Вопросы философии и психологии. — 1906. — № 85. — С. 508–545
7. Богданова О.А. «14 декабря» Д.С. Мережковского как роман о русской революции 1917 года [Текст] / О.А. Богданова // Studia Litterarum. — 2017. — № 2. — С. 172–189.
8. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (из этюдов о религии человекобожества) [Текст] / С.Н. Булгаков // Критическое обозрение. — 1908. — № 4. — С. 84–88.
9. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В.П. Булдаков. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
10. Вяземский Ю.П. Вооружение Одиссея. Философское путешествие в мир эволюционной антропологии [Текст] / Ю.П. Вяземский. — М.: АСТ, 2024.
11. Кошарный В.П. Учение о религиозной революции Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова [Текст] / В.П. Кошарный // Соловьевские исследования. — 2017. — № 3. — С. 96–111.
12. Коутс Р. Миф о божественном правителе в «царе и революции» (1907 г.) [Текст] / Р. Коутс // Соловьевские исследования. — 2017. — № 4. — С. 72–84.
13. Клот Л. Цюрих — Петроград, билет в один конец [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/multimedia//43101482#> (дата обращения 15.06.2023).
14. Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия [Текст] / Т.А. Кузьмина // Вопросы философии. — 2007. — № 12. — С. 16–27.
15. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи, Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138895-rech-v-i-lenina-zadachi-soyuzov-molodezhi-rech-na-iii-vserossiiskom-sezde-rossiyskogo-kommunisticheskogo-soyuza-molodezhi-2-oktyabrya-1920-g>
16. Лоскутов В. Опыт философии общей судьбы или был ли Бердяев анти марксистом? [Текст] / В. Лоскутов, М. Семочкина // Параллели. — 1991. — Вып. 1. — С. 91–109.

17. Познин В.Ф. Кинотекст документального фильма как продукт критического осмысливания действительности [Текст] / В.Ф. Познин // Медиалингвистика. — 2016. — № 2. — С. 26–36.
18. Рюмина М.Т. Проблема религиозной революции в русской философии Серебряного века [Текст] / М.Т. Рюмина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 8. — С. 273–285.
19. Селянинова Г.Д. К вопросу об этике революционного насилия и некоторых практиках ее воплощения в феврале — октябре 1917 года на Урале [Текст] / Г.Д. Селянинова // Технологос. — 2021. — № 3.
20. Семибраторов Д.Н. Документальное кино: основные подходы и методы изучения [Текст] / Д.Н. Семибраторов // Культурная жизнь Юга России. — 2018. — № 1. — С. 102–105.
21. Старков Б.А. Февральский излом 1917 года [Текст] / Б.А. Старков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2007. — № 4.
22. Смирнова В.В. Документальное кино в системе массовой коммуникации: источник формирования знаний и представлений у аудитории [Текст] / В.В. Смирнова // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2019. — Вып. 4. — № 1. — С. 66–72.
23. Смолин А.В. 1917 год: Торнео — дорога в Россию [Текст] / А.В. Смолин // НИР. — 2015. — № 2.
24. Степанов А.И. Русские и швейцарцы. Записки дипломата [Текст] / А.И. Степанов. — М.: Научная книга, 2006.
25. Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX — начало XX века) [Текст] // Сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. — СПб.: СВЕТ, 2019.
26. Тарасов И.Е. Как отличить качественную документалистику от формульного фильма-суррогата: опыт структурно-функционального анализа [Текст] / И.Е. Тарасов // Знак: проблемное поле медиабразования. — 2021. — № 3. — С. 124–131.
27. Швейцарцы отмечают 725-ю годовщину основания Конфедерации [Электронный ресурс] // ТАСС 01.08.2016. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3500488> (дата обращения: 15.06.2023.)
28. Юдин А.И. Идея вины русской интеллигенции [Текст] / А.И. Юдин // Вестник ТГУ. — 1998. — Вып. 2. — С. 61–65.
29. Bühler et al. Schweizer im Zarenreich: Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland (Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer). Zurich: Hans Rohr, 1985.
30. Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. Zürich: Chronos, 2001.
31. Dumont H. Geschichte des Schweizer Films. Schweizer Filmarchiv, Lausanne 1987
32. Goehrke C. Die Auswanderung aus der Schweiz nach Russland und die Russlandschweizer: eine vergleichende Forschungsbilanz. In: Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, 48 (1998).
2. Baghdasaryan V.E. National Political Ritual in the Context of the History of Russian Everyday Life // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2008. No. 3. Pp. 3–13.
3. Bakhareva M.D. Modern Imagology: Meaning and Development Prospects // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2022. Vol. 6. No. 2. Pp. 86–101. URL: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
4. Berdyaev N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. Paris, UMCA-PRESS, 1955
5. Berdyaev N.A. Marxism and Religion (Religion as an Instrument of Domination and Exploitation). Paris: UMCA-PRESS, 1929. 28 p.
6. Berdyaev N.A. Socialism as a Religion // Questions of Philosophy and Psychology, 1906. No. 85. Pp. 508–545.
7. Bogdanova O.A. "December 14" by D. S. Merezhkovsky as a Novel about the Russian Revolution of 1917 // Studia Litterarum. 2017. No. 2. Pp. 172–189.
8. Bulgakov S.N. Karl Marx as a Religious Type (from Essays on the Religion of Man-Deity). Critical Review. 1908. No. 4. Pp. 84–88.
9. Buldakov V.P. The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence. — Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997.
10. Vyazemsky Yu.P. The Armament of Odysseus. A Philosophical Journey into the World of Evolutionary Anthropology. — Moscow: AST Publishing House, 2024.
11. Kosharny V.P. The Doctrine of the Religious Revolution by D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, and D.V. Filosofova // Soloviev Studies. 2017. No. 3. Pp. 96–111.
12. Coates R. The Myth of the Divine Ruler in "The Tsar and the Revolution" (1907) // Soloviev Studies. 2017. No. 4, pp. 72–84.
13. Klot L. Zurich–Petrograd, One-Way Ticket, access mode <https://www.swissinfo.ch/rus/multimedia/43101482#> (accessed 15.06.2023).
14. Kuzmina T. A. Existential Experience and Philosophy // Questions of Philosophy. 2007. No. 12, pp. 16–27
15. Lenin V. I. Tasks of Youth Leagues, Speech at the Third All-Russian Congress of the Russian Communist Youth League, October 2, 1920. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138895-rech-v-i-lenina-zadachi-soyuzov-molodezhi-rech-na-iii-vserossiiskom-sezde-rossiiskogo-kommunisticheskogo-soyuza-molodezhi-2-oktyabrya-1920-g>
16. Loskutov V., Semochkina M. An Experience of the Philosophy of Common Destiny or Was Berdyaev an Anti-Marxist? // Parallels. 1991. Issue 1. Pp. 91–109.
17. Poznin V.F. The Cinematic Text of a Documentary as a Product of Critical Understanding of Reality // Medialinguistics. 2016. No. 2. Pp. 26–36.
18. Ryumina M.T. The Problem of Religious Revolution in Russian Philosophy of the Silver Age // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. No. 8. Pp. 273–285.
19. Selyaninova G.D. On the Issue of the Ethics of Revolutionary Violence and Some Practices of Its Implementation in February–October 1917 in the Urals // Tekhnologos. 2021. No. 3.
20. Semibratov D.N. Documentary cinema: the main approaches and methods of study // Cultural life of the South of Russia. 2018. No. 1. Pp. 102–105.
21. Starkov B.A. February turning point of 1917 // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2007. No. 4.
22. Smirnova V.V. Documentary cinema in the system of mass communication: a source of formation of knowledge and ideas among the audience // Communicology: electronic scientific journal. 2019. Issue. 4. No. 1. Pp. 66–72.
23. Smolin A.V. 1917: Torneo — the road to Russia // Research. 2015. No. 2.
24. Stepanov A.I. Russians and Swiss. Notes of a diplomat. M.: Scientific book, 2006.
25. The Fates of Swiss Colonies in the Northern Black Sea Region and in Crimea (19th — Early 20th Century) // Collection of Articles / edited by Simonato E., Ivanova I. SPb.: SVET, 2019.
26. Tarasov I.E. How to Distinguish High-Quality Documentaries from Formulaic Surrogate Films: An Experience of Structural

Фильмы

33. «1918. Бегство из России» (1918: Fuga dalla Russia), 2018, реж. Рубен Росселло, Швейцария
34. Генеральная стачка 1918 года — Швейцария на грани гражданской войны (Generalstreik 1918 — Die Schweiz am Rande eines Bürgerkrieges), 2018, реж. Даниэль фон Аарбург, Швейцария.
35. «Дело Конради» (Die Affäre Conradi), 2017, реж. Хелен Штели Пфистер, Швейцария.
36. Эпоха революций и судьба Фрица Платтена (Der rote Fritz), 2014, реж. Хелен Штели Пфистер, Швейцария.

References

1. Andina M. The General Strike of 1918 and Its Consequences for Switzerland. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/44497312> (accessed 25.07.2023).

- and Functional Analysis // Znak: Problem Field of Media Education. 2021. No. 3. Pp. 124–131.
27. The Swiss Celebrate the 725th Anniversary of the Founding of the Confederation // TASS 01.08.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3500488> (accessed 15.06.2023).
28. Yudin A.I. The idea of guilt of the Russian intelligentsia // Vestnik TSU. 1998. Issue 2. Pp. 61–65.
29. Bühlert et al. Swiss in the Tsarist Empire: On the History of Emigration to Russia (Contributions to the History of the Russian Swiss). Zurich: Hans Rohr, 1985.
30. Collmer P. The Best Years of Our Lives: Russian Swiss in Personal Testimonies, 1821–1999. Zurich: Chronos, 2001.
31. Dumont H. History of Swiss Film. Swiss Film Archive, Lausanne 1987.
32. Goehrke C. Emigration from Switzerland to Russia and the Russian Swiss: A Comparative Research Assessment. In: Swiss Journal of History, 48 (1998).

Films

33. 1918. Flight from Russia (1918: Fuga dalla Russia), 2018, dir. Ruben Rosselló, Switzerland
34. The General Strike of 1918 — Switzerland on the Brink of Civil War (Generalstreik 1918 — Die Schweiz am Rande eines Bürgerkrieges), 2018, dir. Daniel von Aarburg, Switzerland
35. The Conradi Affair (Die Affäre Conradi), 2017, dir. Helene Stähli Pfister, Switzerland
36. The Age of Revolutions and the Fate of Fritz Platten (Der rote Fritz), 2014, dir. Helene Stähli Pfister, Switzerland.